

На островах

Ю. Шестопапов

Недавно прочитал статью молодого парня, вообще-то неплохую, о поездке в горы. И в одном из эпизодов, описывая необычное – аквамаринового оттенка – небо, он сравнивает его со сценой из компьютерной игры, где небеса имели похожий цвет. Разумеется, надо отдать должное создателям игры, которые, по-видимому, реалистично передали цветовую гамму. А с другой стороны, я задумался о точке отсчёта. Как ни крути, но она пришла из виртуального пространства, а не из объективной реальности. И появилось какое-то странное чувство недоумения, смешанного с определенным сожалением, что этот, судя по всему, неплохой парень, как и многие молодые люди сегодня, живет как будто в двух мирах. И проблему я вижу в том, что один из них, как ни крути, нереальный. А человеку все-таки побольше надо жить именно в реальном мире, иначе он его не будет толком знать, и оттого жизнь у него будет неполноценной. Думаю, что правильной даже сказать - ущербной. Сказки, компьютерные игры тоже могут развивать человека, но все хорошо в меру и в свое время. Когда-то давно, примерно в седьмом-восьмом классе, именно по этой причине я естественным образом потерял интерес к научно-фантастическим рассказам, поскольку их содержание стало для меня бедноватым, схематичным. В них не было того, что можно назвать полноценной жизнью, не было того богатства и динамики событий и разнообразия палитры эмоциональных красок, которые может произвести только реальная жизнь. И, похоже, я это чувствовал подсознательно, что и привело к утере интереса к фантастике.

А насчёт игр, вспомнил я в тот момент одну игру - если можно так сказать (почему с оговоркой, станет понятно из дальнейшего повествования) - в которой сам был участником. Но игра эта была отнюдь не компьютерная, в ней все было настоящее, и местами может быть даже слишком, но тут я уже ничего не могу поделать, потому что дело обстояло именно так. А придумывать по-другому, чтобы сгладить реальные события или приукрасить их, не хочется. Все равно, так, как оно бывает в жизни, не придумаешь, а когда начнешь комбинировать выдумки и реальность, то сразу и появится какое-нибудь несоответствие – всего не предусмотритишь, потому что реальность штука многофакторная, и частенько в ней все настолько взаимосвязано, что никакое воображение не способно переплести сюжетные линии так, как это играючи делает жизнь. Можете считать сказанное моей писательской философией – если вас такие вещи интересуют. Хотя некоторые читатели, я уверен, уже начинают проявлять нетерпение – где рассказ-то? И идя навстречу пожеланиям этих читателей, мы переходим к самому рассказу.

Дело было в конце июля, во время летних каникул после девятого класса. Через несколько дней я должен был ехать в Новосибирск, в летнюю физ-мат школу, так что уволился с фабрики первичной обработки шерсти, где проработал большую часть лета, и это был едва ли не первый свободный день. На фабрике я работал подкатчиком – так называлась моя не то должность, не то сама работа. Суть её сводилась к тому, что я подкатывал – в буквальном смысле - тяжелые тюки с шерстью к столам, где уже сортировщицы теребили их, а потом закатывал объёмистые пухлые мешки с отсортированной шерстью на транспортер, идущий на уровне пола посреди большого цеха, где работало несколько таких бригад. Работа была довольно тяжелая, но для своих шестнадцати лет парень я был рослый и сильный, весом килограмм под восемьдесят. Бегал я тоже хорошо, и даже занимал первые места на областных соревнованиях школьников. Одно время я также ходил в секцию самбо, да и вообще любил и умел бороться – в местах, где я жил, это было одно из главных развлечений, с ранних лет - от ребятишек до уже женатых молодых мужчин. Говорю об этих деталях не случайно, иначе будет сложно понять некоторые из дальнейших событий.

Мой товарищ, Володя, знал об окончании моей работы, и ещё раньше мы договорились с ним «походить» в этот день на парусной шлюпке - проще говоря, поплавать по Иртышу. Плавали мы на «шестёрке», то есть шлюпке с шестью гребцами, и на ней можно было также ставить парусное снаряжение – большой парус, четырехугольный фок, и впереди парус поменьше, кливер, который был тоже четырёхугольным, но имел более косоугольную форму, чем фок. Шлюпка была довольно просторная, так что в общей сложности там могло разместиться человек двенадцать.

Семья Володи недавно переехала на новую квартиру, в многоэтажный дом на берегу Иртыша. Добираться к нему стало неудобно, и мы договорились встретиться с утра пораньше «на базе». «Базой» мы называли водно-моторный клуб моторостроительного завода, где взрослые мастерили себе катера и скутеры, а ребяташки занимались греблей и парусным спортом на шлюпках. Клуб располагался на берегу реки Оми, правого притока Иртыша. (Собственно, официально считается, что город Омск, а вернее первая крепость, был основан в месте впадения Оми в Иртыш в 1716 году. Хотя сейчас начинают выясняться некоторые вещи, которые ставят под сомнение столь позднюю версию основания поселения в этом месте.)

Чтобы выплыть в Иртыш, надо было проплыть довольно большое расстояние по «Омке», как в городе обычно называли эту реку. До места впадения реки в Иртыш необходимо было пройти под тремя городскими мостами. Если шлюпка была под парусом, то в полноводье был риск зацепиться мачтой за мост, и поэтому по Омке обычно плавали на веслах, а парус ставили на выходе в Иртыш.

Было довольно свежо, тихо и солнечно, когда ранним воскресным утром, в почти пустом трамвае, я доехал до Омки. Трамвай, с затихающим стуком колес на стыках рельс, покати́л дальше, а я быстрым шагом, чтобы размяться, направился к базе. Дорога к ней шла переулками и узкими улочками с частными домиками. По обочинам проезжая часть была засажена рядами примерно десятилетних деревьев, в основном дикими ранетками, мелкие красноватые плоды которых выглядывали между темно-зелеными листьями. Посередине улочек были отсыпаны грунтовые дороги, с канавами по обочинам для стока дождевой воды. Канавы заросли невысокой и мягкой на вид светло-зеленой травой. Вид тихих уютных переулков с аккуратными деревьями и низкорослой травой между ними вызывал в душе приятное чувство спокойствия и умиротворения.

На базу я пришел часов в восемь. Володи ещё не появлялся. Из других наших ребят тоже никого не было. Незнакомые мне парни, лет по восемнадцать-девятнадцать, по виду рабочие с завода, спускали на воду шлюпку, тоже шестерку. Всего их было восемь человек. Число я запомнил потому, что ещё подумал, один из них как бы запасной – на шлюпку нужны шесть гребцов и один рулевой. Они громко смеялись, и довольно грубо, все больше с матом, подсмеивались друг над другом. Мне, понятно, до них не было никакого дела, но, сказать по правде, их компания не понравилась с первого взгляда.

До прихода Володи и остальных гребцов, из числа его знакомых со школы, где он раньше учился, и двух ребят из нашей школы, я занялся шлюпкой - она уже была пришвартована у деревянного пирса. Почистил её внутри от песка и темно-зеленых высохших водорослей, скорее тины, оставшихся от предыдущих походов, в которых я, правда, не участвовал по причине работы на фабрике. Вскоре вдвоем пришли ребята из нашей школы, один тоже Володя, а второй Сергей. Володя выше среднего роста, на вид крепкий и мускулистый, но при этом в нем не чувствовалось особой энергии. Как человека, я его не очень понимал - была в нём какая-то скрытность. К нему прилипло прозвище Данаец, и для удобства в дальнейшем мы так и будем его называть. Почему-то однажды так его назвала преподаватель литературы и наша классная руководитель в восьмом классе, Валентина Александровна. Женщина она была умная, и если она так сказала, значит, для этого были причины – людей она чувствовала хорошо. Я и сейчас о данайцах знаю немного, а на ту пору слышал только одно выражение - «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Но как оно было связано с Володей, и что имела в виду Валентина Александровна, остаётся только гадать. Сергей

был небольшого роста, среднего сложения, и когда гребли на соревнованиях, он был рулевым. Серёга был хороший, понятный и разумный человек.

Мы весело поприветствовали друг друга. Я их обоих не видел с начала лета, и было приятно увидеть их знакомые лица, хотя и несколько сонные от раннего подъема. Из других ребят я никого не знал, за исключением Лёхи, которого как-то мельком видел у Володи. Вскоре пришел и Володя, у которого были ключи от помещения, где хранились весла, рангоут, то есть мачта, паруса и остальной такелаж. Все это добро было вскоре перенесено в шлюпку, и мы уже совсем скоро собирались отчаливать, когда к нам вразвалку, переступая через рельсы, по которым из воды вытягивались на берег шлюпки и катера, подошел один из тех парней, о которых я упоминал в начале. Он был рослый, крепкий, и если бы не жесткость в сухопаром лице и несколько недобрый взгляд, его можно было бы назвать вполне симпатичным человеком. Но светлые серые глаза излучали какой-то холод, и то ли это было причиной, то ли усмешливая гримаса на лице, но на меня с первого мгновения он произвел отталкивающее впечатление. Так бывает, что ещё и слова человек не сказал, а ты для себя уже составил о нем мнение.

Некоторое время он пристально смотрел на Володю, а потом не спеша, все с той же усмешливой гримасой на лице, к которой теперь ещё добавилась тень не то презрения, не то высокомерия, произнес низким грубоватым голосом: «Ну чё, салаги, давай кто первым до конца островов под парусом?» И не дожидаясь ответа, добавил, как будто уже все было решено: «Стартуем от последнего бакена на Омке». Старшина шлюпки у нас был Володя, вроде ему и надо было решать, но мне не понравились «салаги», и я ответил первым: «Если мы салаги, то вы тогда, наверное, плотва, верно?» Парень внимательно и недобро взглянул в мою сторону, как будто делая для себя пометку и, проигнорировав мой ответ, обратился к Володе, зная, по-видимому, что он здесь старшина шлюпки: «Ну так чё, давай, или слабо вам?» Володя видимо колебался, но согласился, хотя и без особого энтузиазма. Я бы предпочёл держаться от этой компании подальше, но все произошло быстро, и у меня просто не было возможности переговорить с ним. Почему-то на важные, зачастую ключевые, решения люди почти всегда уделяют слишком мало времени и принимают их походя.

Мы разместились в шлюпке. Володя сел на корме, чтобы управлять шлюпкой, остальные на вёсла, и мы отвалили от причала. После Володиной команды «Вёсла... на воду!» мы принялись дружно гребти вниз по течению. Спустя некоторое время я увидел, как от причала отвалила и шлюпка с парнями. Володя деловито распорядился приготовлениями к гонке, одновременно и размышляя, и давая инструкции.

- Данаец, будешь на кливере. Ветер северо-западный, свежачок, попробуем делать «бабочку» на длинных галсах, как раньше отрабатывали». «Бабочка», это когда фок и кливер распускаются по разные стороны. Такой прием используется при хорошем и устойчивом попутном ветре, но я первый раз слышал о таком приеме при ходьбе галсами, то есть с постоянной сменой направления движения, потому что устанавливать «бабочку» на шлюпке требует времени. Но видать ребята тренировались это время, если сейчас Володя собирается применить такую тактику. Мне досталась простая роль «отрабатывать крен», то есть уравнивать шлюпку, чтобы её не опрокинуло ветром во время движения и смене галсов. При сильном ветре при этом приходится вывешиваться за борт, а при волнении, которое обычно и бывает при сильном ветре, приходится ещё и окунаться в волны. Но сейчас лето, и последнее обстоятельство не имело значения.

Проплыв под последним - арочным - мостом через Омку, мы пришвартовались к вертикальной бетонной стене набережной, и начали устанавливать парус. Вскоре парни причалили впереди, неподалеку от нас, и тоже начали ставить парусное снаряжение. Потом, уже под парусами, мы подошли к последнему бакену, стоявшему в устье реки, развернулись против течения Иртыша, примерно на юг, и стали поджидать противников. На Иртыше, в отличие от закрытой высокими берегами Омки, было довольно сильное волнение. Подошла шлюпка парней. Они немного снизили

скорость при развороте, и парень, который на берегу подходил к нам - он был рулевым - неожиданно крикнул «Старт», и их шлюпка, так и не остановившись, пошла вперед. Это было нарушением всех правил, и по-хорошему не стоило начинать гонки. Серёга, человек здравомыслящий, и я следом за ним, предложили Володе бросить эту затею – не нравилась нам она почему-то. Но Володя, видать уже в азарте, выругался, подтянул фок, и пустился нагонять ушедшую вперед шлюпку. Он определил правильно - действительно задувал сильный северо-западный ветер. От того, что он дул против сильного течения Иртыша, волнение было значительным. Данаец с Серёгой впереди торопливо ставили «бабочку», остальные выполняли возложенные на них обязанности. Мы с Геннадием, спокойным и сильным парнем из бывшей Володиной школы, как самые тяжёлые, обрабатывали крен на правом борту. Из-за «бабочки» ветер кренил шлюпку довольно сильно, так что мы с Генной оба висели за бортом, быстро промокнув до нитки от брызг волн, разбивавшихся о форштевень и корпус шлюпки. Азарт гонки быстро захватил всю команду, и вскоре стало заметно, что благодаря «бабочке» на длинных галсах мы постепенно догоняем ушедшую вперед шлюпку. Вскоре мы с ней поравнялись, а потом постепенно, метр за метром, вышли вперед. Какое-то время, даже сквозь ветер и шум разбивавшихся о шлюпку волн, мы ещё могли слышать злобную ругань соперников, но потом то ли они прекратили ругаться, то ли из-за расстояния, но звук их голосов исчез. Серега с Данайцем знали свое дело туго, и каждый раз, когда мы делали разворот на длинный галс, быстро устанавливали бабочку, а на коротких галсах по направлению к левому берегу мы шли почти перпендикулярно ветру. Вскоре мы проплыли под автомобильным мостом, близко к бетонной опоре, справа, чтобы она не заслонила нас от ветра. Под мостом было неуютно; даже сквозь шум волн было слышно, как отдавались звуки проходящих над нами машин.

За мостом мы старались держаться поближе к фарватеру, чтобы начавшиеся с правой стороны острова не блокировали ветер. Слева потянулись городские административные здания и жилые многоэтажные дома, стоящие на набережной Иртыша. В том числе виден был девятиэтажный Володин дом, куда его семья только переехала – я помогал им переезжать, и ещё были свежи воспоминания, как мы дружно таскали вещи. На воде было свежо, особенно нам с Генной, промокнув до нитки, но солнце светило ярко, небо было безоблачное, да и постоянное физическое напряжение помогли разогреться, так что мне, да похоже и Гене, было не холодно.

Место, куда мы направлялись, находилось недалеко от железнодорожного моста. Вдоль левого берега тогда ещё полноводного Иртыша тянулась длинная цепочка островов, густо заросших где деревьями и кустами, где высоким тальником. Острова были пересечены многочисленными извилистыми протоками, а изрезанные берега изобиловали заводями и бухточками. Со стороны фарватера, вдоль восточной стороны островов, тянулись песчаные пляжи. Западные берега островов, со стороны левого, западного рукава реки, были в основном илистыми. Для меня, в отличие от других членов нашего экипажа, это были родные места. Долгое время я жил на левом берегу Иртыша, возле этих островов, и наша семья переехала отсюда в другой район лишь полтора года назад. Острова я знал, что называется, как свои пять пальцев, не расставаясь с ними ни зимой, когда катался там на лыжах, ни летом. В летнее время с другими ребятами мы часто перебирались вброд на первый остров, с которого потом, переправляясь вплавь через многочисленные узкие протоки и тихие глубокие заводи, можно было добраться до самой северной оконечности всей цепочки островов, что в общей сложности составляло километра три. Острова заканчивались возле автомобильного моста. Дальше, за этим мостом, острова тоже продолжались, но до них уже было метров семьсот-восемьсот.

На островах мы косили сено для лошади, которая была в отряде, охранявшем железнодорожный мост. Косить сено отправлялись рано-рано утром, по росе, когда солнце только вставало. Когда на телеге переправлялись через брод, журчащая вода была совсем близко от площадки телеги, и было интересно наблюдать течение воды по бокам. Брод был узким, и стоило

немного ошибиться, телега могла полностью уйти под воду. Конь, Серко, напрягаясь, вытягивал телегу на берег, и некоторое время ещё можно было слышать, как с осей и колес стекает вода. А когда сено высыхало, и его перевозили в конюшню, я иногда сидел на самом верху, и это казалось так высоко! На острове Серко распрягали пастись, и иногда мне разрешалось оседлать его и рысью поездить по песчаному берегу острова.

Часто мы играли здесь в казаки-разбойники, ограничивая место игры несколькими островами, а потом, когда подросли, играли по всем островам. Для игры собирались большие группы ребят разного возраста, живших вдоль берега, иногда человек до тридцати с каждой стороны, а некоторые игры могли продолжаться чуть не весь день. Для многих ребятишек острова были также излюбленное место для рыбалки. Сам я удочкой не рыбачил – терпения не хватало. Но с небольшим бреднем в протоках мы бродили нередко. Рыбы мне и напарнику в таких случаях попадалось немного, не знаю почему, но улов был стабильный. В протоках часто попадались коряги, и мы наперечёт знали все места, где можно ходить с бреднем, а где не стоит - из-за коряг, о которые могла зацепиться сеть.

Так что гонка проходила, можно сказать, по моим родным местам. К моменту, когда мы поравнялись с южной оконечностью первого острова, точкой финиша, мы опережали соперников метров на сто пятьдесят, так что нам хватило времени ещё с шиком заложить дугу и причалить в самой южной точке острова. Шлюпка с шуршанием въехала в пологую песчаную косу с мелким речным песочком, из которого местами водой были вымыты мелкие древние ракушки. Напротив косы, через протоку, был пляж Кировского района, где уже появились первые отдыхающие. Однако в воде никого ещё не было. Пляж находился немного за ветром, и волнение в левом рукаве реки, отделявшем пляж от острова, было умеренным. Тем не менее, крутые хаотичные, покрытые рябью, синеватые волны, с вершущек которых ветер срывал каскадики брызг, не вызывали желания искупаться.

Мы выскочили из шлюпки и подтащили её к берегу. Затем мы вытянули фал и привязали его к ближайшим кустам, а паруса спустили, чтобы их не мотало на ветру. Чуть позже примерно то же самое проделали наши соперники, причалившие недалеко от нас. Мы сошлись примерно на середине. Они были несколько обескуражены, но виду особо не подавали. Теперь парни не ругались, но какая-то неприязнь как будто висела в воздухе. Вялыми голосами были высказаны несколько оправдательных причин, чтобы обесценить нашу победу. Ни одна из сторон не знала, что делать дальше. Я бы предпочёл побыстрее расстаться с этой компанией. Серёга меня поддержал, но остальные как будто чего-то ждали, бесцельно бродя в воде возле берега. И дождались. Тот же парень, их рулевой, посоветовавшись со своей командой, подошел к Володе, и я, хотя находился в это время в отдалении, услышал, что он предлагает сыграть в казаки-разбойники. Ага! Как же! Только этого нам не хватало. Играть они будут так же, как начали гонку – без правил, это же ясно, как божий день! Володя собрал нас вместе в отдалении от парней, и пересказал предложение. Мы с Серёгой были категорически против, предлагая побыстрее, от греха подальше, убраться с острова и от этих взрослых парней. Но остальные, то ли приободренные успехом гонки, то ли ещё по каким причинам, но склонялись к тому, чтобы согласиться на игру.

А теперь надо рассказать, что это за игра в местной интерпретации. Участники делятся на две группы, определяется зона игры, и выигрывает тот, кто переловит всех участников другой команды. При этом действуют определенные правила, о которых договариваются заранее. Например, нельзя наносить удары при поимке, пленники должны содержаться определенным образом, и так далее. Когда одни и те же участники играют много раз, все знают правила и соблюдают их, потому что за нарушение следует наказание. Так, участника игры, пойманного с нарушением правил, если это можно доказать, должны отпустить. Но я, глядя на парней, и вспоминая их грубые матерные шуточки на базе, понимал, что никаких правил они соблюдать не

будут. Все они года на два-три старше нас, и по комплекции явно не слабые – видать, занимаются физической работой. Мы с Серёгой пытались убедить наших товарищей, что соглашаться на игру при таком соотношении сил неразумно, но наши доводы не принимались. Более того, почему-то они, наоборот, раззадоривали некоторых. Особенно хорохорился Лёха - парень, похоже, задиристый.

Поняв, что взывать к голосу разума бесполезно, я сказал, что делайте как хотите, а я отравляюсь домой, и пошёл к шлюпке забрать свою одежду и вброд переправиться на берег. Серёга, немного поколебавшись, вскоре присоединился ко мне. Мое решение сначала озадачило команду, но потом они все подошли к шлюпке, из которой мы с Серёгой забирали свои вещи, и начали нас уговаривать остаться. Доводы приводились самые разные, но основной мотив был, что мы вроде как предаем интересы команды. Володя очень просил меня остаться. Первым сдался Серёга. Я ещё некоторое время сопротивлялся, но призывы к совести и ссылки на интересы коллектива в конце концов возымели действие и на меня. Когда людям что-то очень хочется, они всегда могут найти убедительные слова. И все же в моем случае подействовали не столько уговоры. Основной причиной моего согласия было то, что я понял, что и без меня ребята собираются принять участие в игре. Я то чувствовал, какому риску они себя подвергают, и мне, откровенно говоря, было тревожно за них, хотя они сами искали приключений, на своё, как говорится, заднее место. В общем, я тоже остался - с тяжелым чувством.

Приготовления к игре. Выбор стратегии

Теперь, когда вопрос об участии в игре решился, надо было хоть как-то определиться со стратегией. Мой взгляд упал на шлюпку, и у меня мелькнула мысль, что надо бы её пришвартовать в каком-нибудь укромном заливчике, а то сейчас она привлекательно стояла на виду всего пляжа, и было ясно, что кто-нибудь из отдыхающих обязательно наведается, в том числе и для того, чтобы чем-нибудь поживиться или просто что-нибудь испортить. Я предложил Володе перегнать шлюпку в небольшой залив, который был неподалеку и как бы составлял часть протоки между двумя соседними островами. Он пошел сказать об этом парням, а мы тем временем поставили паруса, разместились в шлюпке и отвалили от берега. Сев за руль, румпель, я потихоньку повел шлюпку вдоль берега, поджидая Володю. Поговорив с парнями, он побежал наперерез шлюпке, и вскоре с помощью Гены и Лёхи перевалил через борт. Я быстро начал говорить. Нас было семь человек, и я предложил поделиться на две группы, с тем чтобы нас не переловили поодиночке, и каждой группе держаться вместе и не давать захватить своих товарищей. Группы не должны далеко расходиться, так чтобы в случае чего приходиться друг другу на помощь, и находиться на связи. Разбиваться на группы - это была обычная стратегия во время игры, поскольку маленькую группу сложнее обнаружить, ей легче убежать, если что, и в то же время три человека могут успешно обороняться, не давая себя захватить, и сами могут ловить противников. Но мою стратегию не приняли, решив действовать тремя группами – две по два человека, и в одной три. В принципе, такое решение, если подумать, можно понять – ребята инстинктивно надеялись прятаться, а там как получится, поскольку - осознанно или подсознательно - чувствовали, что противник сильнее. Тех было восемь человек, и физически они заметно превосходили нас. Но эта была стратегия на поражение. Парни наверняка тоже поделятся на группы, в каждой из которых будет как минимум два человека, и у группы из двух наших ребят не было никаких шансов справиться с двумя, а то и больше, взрослыми парнями. Из бурного обсуждения я быстро понял, что кроме Лёхи никто в такую игру, имея в виду масштабы театра действий, не играл. Их опыт, фигурально выражаясь, был ограничен дворовыми детскими развлечениями, когда одни прятались где-нибудь за дровяным сараем, а другие пытались их стащить с поленицы. Я что-то совсем озадачился. Серёга, хоть и не имел опыта, все-таки обладал здравым смыслом, и тоже пытался убедить остальных, что нельзя нам

дробиться на мелкие группы, но Володя и Лёха уперлись, а остальные им больше доверяли, чем мне и Серёге, тем более что трое из них видели меня вообще первый раз. Договорились, правда, где периодически встречаться и где держать пленных, если кого поймает. Надо было бы условиться насчёт звуковых сигналов, но так и не решили. Лёха довольно похоже мог имитировать сигнал буксира на реке, и мне его предложение понравилась, подозрения такой звук не вызовет, но больше никто не умел так похоже подражать низкому звуку буксирного гудка. Я умел более-менее правдоподобно и довольно громко каркать. Сергей попробовал, у него получилось почти сразу. Глотка у него, и верно, была луженая, и это была также одна из причин, почему он был рулевым на соревнованиях.

Издали я увидел начало нужной нам протоки, подтянул парус и заложил румпель, направляя шлюпку покруче к ветру, чтобы разогнаться и уже по инерции вплыть в протоку, закрытую по берегам густыми зарослями тальника и небольших деревьев. Маневр удался. Мы прошли полосу относительного штиля в протоке и выплыли в небольшой залив. Там паруса снова поймали ветер, и я направил шлюпку к берегу, к полоске песка, всего несколько метров шириной, которую, если не знать о ней, невозможно было заметить с воды. Мы причалили к берегу. Продолжая договариваться, кто с кем будет в группе, вытянули шлюпку подальше на берег, убрали парус, замкнули весла, привязали фал к кустам, и приняли другие меры предосторожности. Я собрал свою одежду, крепко замотал её в рубашку и перевязал рукавами, рекомендовав остальным сделать то же самое и спрятать одежду в укромном месте. Но к моим словам прислушались только Серёга и Гена - с ним у нас быстро установились хорошие отношения. Я предложил Володе нарезать из запасных шкаторин куски веревок, метра по два с половиной для каждого, по одному-два куска «на брата». Верёвки нужны будут и для того, чтобы связывать пленных, если мы их добудем, но они также нужны для многих других дел.

А сами с Генкой и Серёгой побыстрее, пока не появилась шлюпка с парнями, стали пробираться вглубь острова между тонкими стволами прибрежного тальника. Я уже придумал, где спрятать одежду. Недалеко, среди зарослей высокого и уже заматеревшего тальника, должна была быть старая ива с дуплом, которое можно было использовать как "камеру хранения". Мы быстро нашли иву. С Генкой посадили Серёгу, он ухватился за корявую ветвь, подтянулся, потом оседлал ветку, и мы подали ему наши узелки, которые он в момент опустил в дупло, предварительно засунув туда руку и пошарив, нет ли там ещё чего. Но дупло было пустое. При этом по запаху выяснилось, что у обоих с собой было немного еды – варёные яйца и бутерброды. Я не мог похвалиться такой запасливостью, поскольку для меня не есть порой целый день было нормой. Я и на фабрике мог отработать смену без обеда, хотя работа была физически тяжёлая – многие тюки с шерстью весили хорошо за сто килограммов. Серёга спрыгнул с ветки ивы. Проскальзывая между зеленовато-бурыми стволами тальника, мы побыстрее вернулись на берег. Верёвки были нарезаны, и каждый повязал себе на пояс, а я взял три куска - запас карман не тянет. Две верёвки обмотал вокруг своей талии, и ещё одну веревку добавил Гене.

Вскоре появилась и шлюпка парней. Похоже, они не смогли с первого раза пройти протоку, так как доселе чистый нос шлюпки почти до планшира был щедро вымазан серым илом. Это могло означать только одно - они на хорошей скорости «врубились» в высокий илистый берег протоки. В душе на мгновение мелькнуло злорадство, но заботы предстоящей игры быстро его погасили. Сейчас было не до этого.

Для игры я разделся до трусов, поскольку знал, что придется часто плавать. Кеды я тоже не снял - чтобы не повредить ноги. Хотя острова в основном были покрыты травой, особенно лужайки, там было много мест, где наводнение оставило ветки, коряги, а то и целые деревья. Все это теперь высохло, и можно было запросто поранить ноги. Да и в протоках и заводях частенько можно было наткнуться на такие залежи затонувших ветвей и деревьев. Носки снял - без них кеды быстрее сохнут, а с мокрыми носками ноги в момент сотрешь, это я хорошо знал по опыту. Гена

последовал моему примеру, надев сандалии на босу ногу, а Серёга оставил ещё и рубашку, завязав её узлом на животе. Рубашка была тёмно-зелёного неяркого цвета, почти как маскировка, так что с моей стороны возражений не было.

Пока втроем продирались назад через тальник, мы совместно приняли решение держаться вместе. Так что наша группа определилась. Гена как-то поверил в меня, а Серёга и раньше ко мне неплохо относился. В общем, с их молчаливого согласия я стал как бы лидером нашей группы.

Одеяние остальных ребят просто кричало о полном отсутствии опыта таких игр. По чьему-то примеру они все были босиком, даже Лёха, который может и имел опыт таких игр, но видать исключительно на песчаных пляжах. Двое были в одних плавках, двое оставили рубашки - на мой взгляд, чересчур заметные для такой игры. Впрочем, теперь меня уже ничто не удивляло. Я сказал им об этом, но совет был пропущен мимо ушей. Как известно, люди в основном учатся на своем опыте, да и то только на малой его части.

Шлюпка противника медленно приближалась к узкой береговой полоске. Я использовал последние секунды, чтобы ещё уговорить две группы объединиться и держаться всем неподалёку. Тщётно. Ну ладно. Всё идёт к тому, что вместо нормальных боевых действий придётся партизанить.

Мы внимательно рассматривали подходящую к берегу шлюпку, а вернее, её команду и лидера. От лидера в таких делах много зависит. Я как-то нутром чувствовал, что ни у кого из них нет опыта таких игр. Сейчас они надеются быстренько нас переловить, воспользовавшись игрой как поводом, чтобы, как говорится, «надавать нам по морде», и тем и развлечься, и отыграться за поражение в парусной гонке. Ну, может ещё поиздеваться, и на этом закончить мероприятие. И, скорее всего, к Володе, и может ко мне, у них особые счёты. Почему я так думал, не знаю. Я не боялся их, но помнил недобрый взгляд их предводителя, которым он удостоил меня ещё на базе.

Во время переговоров о правилах игры мы попытались выторговать побольше, и я добивался гарантий соблюдения правил. Гарантии были даны, но по глазам и голосам парней было ясно, что соблюдать их они не собираются. Оно так бывает, что просто чувствуешь – слова говорят одно, а голоса, поза – совсем другое. Бросили пятикопеечную монету, которую Серега нашел в кармане рубашки, и нам выпало уходить. Они должны были подождать минут десять, чтобы мы могли удалиться, и после этого начать нас искать. Но было понятно, что десять минут они ждать не будут.

По берегу, местами заходя в воду, чтобы обойти разросшиеся ивы, мы вышли на поляну. Я знал, что недалеко от неё идёт малозаметная тропка, натоптанная рыбаками. Так что если парни о ней не знают, а оно скорее всего так и есть, они будут ломиться через кусты или начнут пробираться вдоль берега, а берег здесь плохой, илистый. Одним словом, так или иначе потеряют время, что нам и требовалось.

Начало игры

Пока шли к поляне, я вроде убедил всех следовать за мной, когда начнём убегать. По виду, уверенности у моих товарищей поубавилось. Похоже, они сами начали постепенно понимать, что нам отведена роль цыплят, за которыми будут охотиться коршуны. Дальше все события начали разворачиваться быстро. Мы вышли на поляну. Володя сказал их главарю: «Засекай время». Тот подождал секунд двадцать, и подал знак рукой. Я сорвался с места и рванул к кустам. Остальные последовали за мной. Гена и Серёга держались поблизости. Предчувствие скорой погони и волнение давали о себе знать, и сердце моё колотилось сильнее, чем обычно. Но голова соображала вроде нормально.

Я специально побежал в другую сторону, примерно параллельно тропинке, которая должна была быть в глубине зарослей. Отбежав подальше, я резко вывернул влево, замата следы, и теперь

мы двигались по направлению к тропе, до которой, по моим расчётам, было метров семьдесят. Звучит вроде как немного, но когда речь идёт о густых зарослях, это приличное расстояние. Вскоре я выбрался на тропу, и во всю прыть пустился бежать по ней. Остальные пока следовали за мной. Вскоре мы подбежали к берегу – сквозь густые заросли блеснула вода. У знакомой развилки я взял влево, выбежал на берег, высотой немного больше метра, и, не останавливаясь, прыгнул в воду ногами вперед, чтобы переплыть протоку. Хотя обычно с этого места я нырял «ласточкой», но кто его знает, что там сейчас могло быть – ногами вперед безопасней. Место было глубокое, и, вынырнув, сразу поплыл к противоположному берегу. Я слышал, как сзади прыгали в воду остальные. Выбираясь по илистому склону, заросшему тонким тальником, на противоположный берег, я посмотрел назад, и не увидел Лёхи с его напарником, хотя на тропинку они точно выбирались следом за мной. Ладно, видать у Лёхи свои планы. Из кед, когда я ступал на землю, прыскала вода, и пока остальные плыли и выбирались из воды, я вылил из них воду и хотел было снова одеть, но тут мне на ум пришла мысль проколоть подошвы кед, чтобы вода из них выливалась сама, и не надо было каждый раз снимать их. Бегать в кедах, полных воды, удовольствие небольшое. Оглядевшись кругом, я быстро нашел подходящую сухую ветку и продырявил ею подошвы кед в нескольких местах, а потом одел и хорошо зашнуровал.

Мой план был простой – убежать подальше, чтобы потом противники в поисках нас разбрелись по островам, подальше друг от друга, и тогда может удастся поймать кого из них поодиночке или двоих сразу. Нам нужны были пленники, тогда можно было хотя бы начинать переговоры. А уж упрятать пленных я мог так, что никто бы не нашел – таких мест на островах было предостаточно. Например, я знал заросшие промоины, образовывавшиеся во время наводнения, так что можно было пройти в метре от неё и не заметить спрятавшегося там человека, а то и нескольких. Вдоль берега тоже нередко вымывало в корнях деревьев и кустов целые гроты, так что даже с воды такие убежища невозможно было заметить. Закрытые зарослями полянки, многочисленные заросли, буреломы, залежи нанесенных во время наводнений кустов и деревьев, которые в иных местах скапливались годами – да на островах можно было прятаться месяцами! Но наша задача была не спрятаться, а взять в плен всех парней.

В ситуации, когда группа долго ищет и не может найти никого из команды противника, участники обычно теряют осторожность, и начинают разбредаться, тем более на таком большом пространстве. Это я знал точно. Поэтому, чем дальше мы сейчас убежим, тем больше шансов, что они разделятся в процессе поиска и отдалятся друг от друга. Мы уже были скрыты кустами, когда услышали на противоположной стороне шум, и метрах в тридцати от того места, где мы прыгали в воду, появился Лёха, в распушенной рубашке, и стремглав прыгнул в воду. Я выбежал на берег, и закричал ему: «Лёха, плыви сюда!» Он услышал и повернул в нашу сторону. Плавал Лёха быстро. Вскоре я протянул ему руку и помог выбраться на берег.

- «Петьку поймали!» - было первое, что мы услышали от него. Мокрая рубашка на нем, оказывается, была не распущена, а порвана. Но расспрашивать было некогда. «Вот собаки!» - подумал я. Они и минуты, значит, не ждали, а чуть не сразу побежали за нами.

Мы пробежали ещё два острова и форсировали несколько протоков. Выйдя из воды на следующий остров и скрывшись в кустах, мы ненадолго остановились и решили посоветоваться насчёт дальнейшего. Рассудили, что Петра может теперь надо стеречь кому-то из них, если, конечно, они не привяжут его к дереву и так оставят. Значит, их может быть семь человек. Идти выручать Петра не было смысла – где его сейчас искать? Наверняка они его где-то хорошо спрячут.

Теперь, волей-неволей, мы разбились на две группы – Лёха присоединился к Володе и Данайцу. Каких-то светлых идей ни у кого не было. И вообще ситуация была тупиковая. Я, чтобы хоть что-то предпринять, предложил перебраться на предпоследний остров, там хорошо спрятаться, и дожидаться, когда часть парней пройдет мимо на последний остров. Может, кто-то из

них задержится, и тогда мы этих оставших попытаемся захватить в плен. Если они будут двигаться все вместе, то пропускаем их, ждём, когда они обшарят последний остров и пойдут назад. Тогда мы будем за ними следить, крадучись идя сзади, и если кто отстанет или задержится с переправой через протоки, то может захватим такого в плен, чтобы обменять на Петра. Если и это не получится, то один-два человека последуют за парнями и таким образом разузнают, где они спрятали своего пленного. Мне самому план был не по душе, но ничего лучшего предложить не мог. Надо было хоть как-то двигаться. Остальные, никак не прокомментировав мое предложение, согласились.

На предпоследнем острове Володя со своей командой спрятались в заросшей высокой осокой промоине в окружении густых кустов, с застоявшейся зеленой водой на дне. Промоина находилась в глубине острова, ближе к Иртышу со стороны фарватера. Сергей, Гена и я отправились следить за переправой на последний остров. Договорились, что как только пять человек переправляются на остров, и никого больше не будет видно, кто это заметит, начинает каркать, и тогда ребята из нашей засады постараются взять пленных "с тыла". Если те побегут в сторону своих, то это уже будет наша забота их перехватить.

Мы с Геной расположились недалеко друг от друга в вымоинах под берегом, так, что видели большую часть протоки, а Сергей отправился дальше, чтобы следить за другой стороной острова, не видимую с наших наблюдательных постов. Вот такая дислокация.

Волнение на Иртыше только усилилось со времени гонки – ветер стал ещё сильнее. Я лежал наполовину в воде, и в ней было даже теплее, чем на открытом воздухе. Было трудно сказать, сколько прошло времени. Мне показалось, что мы лежим тут уже больше часа. Что-то было неладно. Я вылез из своего укрытия и, пригибаясь, перебрался к Гене. Затем мы вдвоём так же крадучись дошли до Сергея. Посоветовавшись, решили, что Гена с Серёгой переправятся на последний остров, а я пойду разузнаю, в чем дело. Я подождал, пока они переплывут протоку, и выберутся на берег, после чего отправился к Володиной команде. Поразмыслив, решил, что лучше мне зайти напрямик от реки, со стороны фарватера. Если что, до берега недалеко, и в этом месте он открытый, песчаный и плотный, так что даже если будет погоня, вряд ли они меня догонят – бегал-то я хорошо.

Промоина, в которой пряталась Володина группа, была уже недалеко, когда справа раздался еле слышный шорох. Я мгновенно обернулся и сквозь листву встретился с взглядом холодных серых глаз. Уже в следующее мгновение я бежал назад, к берегу, продираясь сквозь кусты и уклоняясь от веток. Было слышно, как и справа и слева кто-то отчаянно ломится сквозь кусты, мне наперерез. Вот чёрт! Засада! На пути возник один из парней. На моё счастье, не самый крупный из них. Мы были разделены несколькими стволами тальника, и он уже протягивал руки, чтобы схватить меня. Набегая на перехватчика, я без затей схватил один из стволов гибкого тальника и, наклонив его своим весом на бегу вперед, ударил «перехватчика» стволом в лоб. Удар был скорее неожиданный, чем сильный, но протянутые руки исчезли из поля зрения, и я, не останавливаясь, продолжил отступление к реке. Вскоре я уже нёсся по песчаной полоске вдоль берега, а навстречу, из прибрежных кустов, наперерез вываливался ещё один из парней. Сзади слышались звуки погони, но оглядываться было некогда. Этот противник был покрепче, да и времени не было задерживаться. Я сделал вид, что хочу пробежать между ним и прибрежными кустами. В спешке он поймался на трюк, и повернул к кустам. Но я в последний момент свернул влево, как это делают игроки в регби для быстрой смены направления движения, ставя ногу как бы под себя вбок, и так мы разминулись. Теперь путь был свободен, и я помчался вдоль самой кромки воды, зная, что песок там наиболее плотный. Погоня, однако, не отставала. Обернувшись, я увидел, что первым за мной бежит главарь, следом за ним ещё трое, а дальше, заметно отстав, торопится «перехватчик», получивший удар в лоб веткой тальника.

Вскоре дорогу преградила неширокая протока, в которую я с ходу нырнул «ласточкой». Вынырнув на поверхность, в несколько взмахов подплыл к берегу и, отталкиваясь от песчаного дна и руками и ногами, выскочил из воды и побежал дальше. Кеды на ногах сидели плотно, а вода из них через дыры в подошвах была выжата буквально за несколько шагов. Мелочи много значат. Но тогда получается, что не такие они уж мелочи.

Преследователи не отставали. Видать, азарт погони придавал им силы, а у их предводителя, думаю, ко мне был особый счёт. Но и я был не лыком шит. Бегал-то я нормально, а восемьсот метров вообще была моя основная дистанция. Так что посмотрим, как долго вы такой темп выдержите. Я то умел терпеть усталость и собирать все остатки сил, так, чтобы на последних ста метрах дистанции развивать спринтерскую скорость, когда ноги уже перестают тебя слушаться.

Но преследователи мне попались упорные. Мы форсировали ещё три протоки, прежде чем от всей погони остался один предводитель. Я пробежал ещё метров двести, чтобы окончательно убедиться, что мы остались одни, после чего резко остановился, развернулся, и побежал к нему навстречу. Надо отдать должное, такой маневр его не обескуражил. Он попробовал ударить правой ногой, но я по-самбистки блокировал удар, захватил снизу голень и рванул его ногу вверх, одновременно толкнув в лицо рукой, отчего он упал на левый бок. Я тут же навалился на него, схватил сзади за волосы левой рукой, и коленом повернул лицом в песок. Затем перехватил его правую руку и заломил за спину. Такой поворот дел был для меня неожиданным - теперь я реально мог взять его в плен! Но в этот момент он, выплюнув изо рта песок и извернувшись, заорал благим матом о помощи. Я мгновенно уткнул его головой снова в песок, но было поздно. Крик конечно же был услышан, и теперь мне, пожалуй, придется поскорее уносить ноги. Из-за прибрежных кустов показались его бегущие приятели. Придавив спину коленом, я держал его голову в песке до упора, когда первый бегущий был уже метрах в десяти. Только тогда оттолкнулся от спины несостоявшегося пленника и пустился убегать от преследователей. Но, похоже, запал у них начал проходить. Пробежав метров семьдесят и оглянувшись, увидел, что они приостанавливаются. Уменьшив скорость, я продолжал бежать по берегу. Мне все равно надо было уйти от них подальше, из поля зрения, и потом незаметно вернуться к Сергею и Гене. Для этого лучше всего было добежать до места, где находится наиболее узкая часть островов, и там полянами, которые я знал как свои пять пальцев, добежать до рукава реки между островами и левым берегом, и уже по реке, воспользовавшись течением, доплыть до ребят.

Я уже собирался поворачивать в кусты, чтобы пересечь остров, когда за поворотом увидел такое, что заставило меня на несколько мгновений остановиться как вкопанному. Метрах в шестидесяти, из песка на берегу, торчала голова. Я поначалу своим глазам не поверил. Но нет, это действительно была голова, с волосами и лицом, обращенным к воде. Вдали я одновременно заметил троих людей, которые, похоже, закапывали ещё кого-то, а невдалеке от них, возле кустов, лицом вверх, лежал ещё один человек. Меня как током ударило – да это же наших ребят закапывают! Вот сволочи! Теперь я понял, что они делают. Они связывают им руки и закапывают в песок, как в фильме «Белое солнце пустыни», когда бандиты связали и закопали Саида. Они так были увлечены своим паскудным делом, что даже меня не заметили. Быстро забежав в кусты, я начал пробираться к ним поближе, не теряя их из виду и наблюдая за ними между листвой. Теперь я понял, что первым закопанным был Петр, сейчас они закапывали Володю, а на песке лежал Лёха, судя по цвету рубашки. Хм... Где же ещё один - Данаец? Но раздумывать было некогда, скоро должны были подойти их остальные приятели; я опережал их минут на пять-семь, не более. Быстро по-пластунски подполз к Лёхе со стороны кустов. Заметил, что ноги у него связаны. Я зашептал, так чтобы Лёха меня услышал: «Лёха, лежи тихо, головы не поворачивай. Медленно подвинь ко мне свои ноги, развяжу веревку». Он начал медленно перемещать свои связанные ноги в мою сторону. Я было вытянул руки из травы, чтобы начать распутывать веревку, но в это время один из парней обернулся и заорал на Лёху: «Лежи смирно, не дергайся, а то мы тебя вниз головой

закопаем!» Приятели заржали. Лёха закричал им в ответ: «Козлы! Дайте хоть встать, посса...!» Ожидаемый ответ парня: «Сс... в трусы!», снова развеселил всю троицу, и, смеясь, они продолжили своё мерзостное занятие. Я в момент развязал Лёхины ноги – они были завязаны на известный мне узел – а узлы то мы умели вязать, это обязательное знание для парусных дел. Потом Лёха повернулся на правый бок и подставил мне связанные руки, хотя это уже было очень рискованно. Обернись кто из парней в этот момент, все бы пропало. Когда я развязывал Лёхе руки, и меня появилась мысль, и я тут же изложил её шепотом: «Ты сейчас лежи. Я выскочу, они за мной погонятся, а ты развязывай Володю, бегите поперек острова до большой протоки, и по течению плывите к последнему острову, там Гена с Серёгой. Петра не успеете откопать, сейчас остальные сюда придут». Лёха был не из тех, кому надо что-то объяснять дважды. Сказав это, и глянув на всякий случай в ту сторону, откуда скоро должны были появиться парни, я выскочил из кустов, подбежал к парням, сильно толкнул ногой в спину одного, так что тот повалился на песок, от души отвесил оплеуху другому, и ещё успел лягнуть третьего, после чего отскочил в сторону, и использовал пару оставшихся секунд для оскорблений, пока они приходили в себя от изумления. После этого началась погоня. Я опять помчался вдоль берега, но на сей раз, как ни гнали меня вперед опасность и возбуждение, старался не отрываться далеко от преследователей, чтобы им казалось, что они меня вот-вот поймают. Трюк сработал, и они сначала дружно бежали за мной по берегу, потом я свернул в кусты и ещё там погонял их по знакомым лужайкам, уводя к южной оконечности острова. Посчитав, что теперь Лёха с Володей должны быть в безопасности, я оторвался от преследователей, и вскоре выбежал к большой протоке между левым берегом Иртыша и островами. Течение там было довольно сильное, да и я старался плыть побыстрее, надеясь догнать Лёху с Володей. Но так их и не заметил, до самого последнего острова. Выбравшись там на песчаную косу, направился вглубь и начал разоряться вороньим карканьем. Тут же услышал ответное «Ка-арр! Ка-арр!», и вскоре уже сквозь ветви разглядел продирающихся навстречу сквозь кусты Гену с Серёгой.

- Где Лёха с Володей? – было первое, что я спросил. Ребята недоуменно поглядели на меня.

- Они должны быть уже где-то на острове, - и в двух словах описал последние события.

Мы начали по очереди изображать воронье карканье, и прислушиваться, не ответит ли кто. Но было тихо. Мы ещё прошли немного вглубь острова, повторяя условный сигнал, но так и не дождались ответа – ни ответного карканья, ни Лёхиного буксирного гудка. Стало ясно, что Володи с Лёхой на острове нет. Либо они опять затеяли что-то своё, либо их снова поймали. Серёга с Генкой приуныли. Их можно было понять. До сих пор мы вели себя как трусливые зайцы, разбежавшиеся по островам и прятавшиеся в самой дальней части. Моя вылазка, несмотря на все усилия, ничего не поменяла, и все вернулось на круги своя. С этим надо было кончать. На меня нашли какая-то жесточенность и остервенелая непримиримость. Может, оттого, что видел закопанных на берегу наших ребят. Игра закончена. С этими скотами по правилам играть невозможно. И я объявил войну. Теперь они были для меня врагами.

Экспедиция

После моей вылазки, убедившись воочию, что поймать меня им будет не так-то просто, и после неожиданной победы один на один с их предводителем, присутствовавшее до этого опаска и волнение испарились начисто. Оказалось, что и в самом деле, «не так страшен черт, как его малюют». Подумаешь, что они старше. Разберёмся! – вдохновлял я ребят. И понимание того, что у противника тоже есть свои слабые места, как будто освободило мои мозги, которые теперь соображали совсем неплохо, как это бывало раньше во время многочисленных игр в казаки-разбойники на этих же островах. Возможно, голод тоже помог их просветлению.

Школа то у меня была хорошая, как я теперь начинал понимать, и острова я знал как мало кто другой. Чего мне не хватало поначалу, это уверенности в своих силах, но теперь она появилась и, похоже, передалась Сереге с Геней. У нас нет пленных, но мы можем захватить их шлюпку, и обменять на наших ребят – один вариант. Но теперь нам этого было мало. Око за око! Я ещё не знал, как именно, но был уверен, что когда разведем обстановку, что-нибудь придумаем. Скорее всего, разозленные сейчас моим рейдом, они предпримут ещё одну вылазку, чтобы нас поймать, но будут заботиться о том, чтобы не оставить нас в тылу – эту опасность они уже поняли. Ну и ладно. Никто не мешает нам обойти их по левому берегу реки, не обязательно пробираться через острова. Я знал, что в начале там есть дорожка, наезженная автомобилями отдыхающих, а потом в кустах вдоль берега идет тропинка, натопанная рыбаками.

Сказано – сделано. Мы переплыли рукав, отделявший острова от берега, выбрались на дорогу, и побежали по ней. Но скоро Серёга стал отставать от нас с Геней. Гена вообще держался молодцом, и как-то тоже «завёлся», так что мы понимали друг друга с полуслова. Мы взяли Серёгу под руки, и пока было можно, тащили его, а он только успевал перебирать ногами. Но потом дорога кончилась, и началась узкая тропинка в прибрежных зарослях из ивовых и других кустов. Здесь мы дали Серёге в руки веревку, и по очереди его «буксировали». Мы забежали повыше того места, напротив которого, по моим расчётам, находились шлюпки, и некоторое время внимательно осматривали берег острова, пока не убедились, что никакого наблюдения там не выставлено. Такой предусмотрительности от противника я не ожидал, но на всякий случай надо было предпринять меры предосторожности. В нашем положении надо действовать наверняка. Одна осечка, и все может пойти, как говорится, псу под хвост. Когда мы переплыли протоку и выбирались на берег, я машинально отметил по положению солнца, что сейчас, пожалуй, часа два. Мне же казалось, что времени прошло не так и много.

Знакомыми рыбацкими тропками и полянами я вывел ребят к бухте, где были шлюпки. Когда мы подходили, у меня мелькнула мысль, что и противники могли вспомнить о шлюпках, но, подумав, решил, что это маловероятно. Тем не менее, к бухте мы приближались с некоторой опаской. Но нет, обе шлюпки были на месте. Для экономии времени мы не стали обходить заросшую прибрежными кустами бухту вдоль берега, а переплыли её, сначала, правда, увязнув в сером илу по колени. Я тут же занялся плавсредством парней. Оказалось, они просто спустили парус, не снимая остальной такелаж, так что я быстро поставил паруса, и потом начал помогать Гене и Серёге. В какой-то момент Серёга вспомнил о еде и одежде, и эта была хорошая мысль, но брала опаска, как бы нас не обнаружили. Мы все-таки решили рискнуть. Когда шлюпки были готовы, мы отплыли недалеко от берега, связали их и бросили якорь. Гена остался в качестве отряда обороны, а мы с Серёгой тихонько соскользнули в воду и поплыли к берегу, на прощание сказав Гене, что если будут брать на абордаж, бей чем ни попадя. Гена ничего не сказал в ответ, но выражение его лица не оставляло сомнений, что он именно так и сделает.

Мы быстро сходили за вещами, после чего вплавь добрались до шлюпок, держа узелки одной рукой над головой. Гена принял узелки, а потом помог забраться в шлюпку сначала мне, а потом мы вдвоем вытянули Серёгу. С нас с Серёгой стекала вода, и вообще-то мы продрогли.

Стоянка парней находилась ниже по течению, на север от нас, поэтому наш план был пройти по Иртышу вверх, в противоположную сторону, обогнуть южную оконечность первого острова, и войти в левый рукав Иртыша, между островами и левым берегом. Ниже по течению, за пляжем, была маленькая глубокая бухта, берега которой заросли большими густыми ивами. Её использовали для спуска байдарок спортсмены с лодочной станции. Там мы спрячем шлюпку парней, а свою будем использовать как плавучую базу. Гена с Серёгой перешли в нашу шлюпку, а я остался в другой. Одному, конечно, управлять двумя парусами сложно, но другого выхода не было. Договорились, что ребята пойдут вперёд, и, если что, возьмут меня на буксир, хотя тогда наше движение сильно бы замедлилось. Но ветер дул ровный, менять галс мне не надо было, пока

не выйдем в Иртыш, так что, закрепив кливер и работая одним фоком и румпелем, вслед за Генной и Серёгой я благополучно прошел протоку и вышел в Иртыш. Здесь, уже на хорошем ветру, быстро перекинул фок, поймал ветер, немного разогнался, закрепил румпель и, пройдя вперед, поставил кливер. За кормой весело зажурчала вода – шлюпка быстро набирала скорость.

Обогнув южную песчаную косу первого острова, место нашей утренней высадки, мы сделали разворот и прошли прямо возле берега острова, чтобы не зацепить немногочисленных купающихся. Мне было сложновато управлять парусами, так как приходилось идти довольно круто к сильному ветру, а отрабатывать крен было некому. Так что был момент, что одной ногой я держал румпель, другой удерживал себя, а сам свесился за борт, чтобы шлюпка не перевернулась от порыва ветра. Ребята пропустили меня вперед, так как не знали, куда плыть. Вскоре мы были у намеченного места. Взяв наискосок течения, я сделал последний поворот, и вплыл в узкую бухту между длинными висячими ветвями больших ивовых деревьев. Потом пришвартовался возле узких мостков, с которых спортсмены спускали байдарки, и быстренько спустил парус. Следом в бухту вошли ребята и встали рядом. Я снял румпель с шлюпки парней и перенес его в нашу. Мы также перетащили в свою шлюпку их весла и весь такелаж, без которого они не могли поставить паруса.

Пока мы плыли, у меня созрел план. Недалеко от их стоянки было одно нехорошее место. Под довольно высоким берегом всегда собирались коряги и ветви, и иногда туда приносило целые деревья. Течение в этом месте так закручивалось, что там вечно было что-то вроде бурелома, но только в воде. На самом берегу росла старая ива, одна ветвь которой нависала далеко над водой. К этой ветви молодые парни привязывали верёвку с вдетой в неё короткой палкой на конце. Трюк состоял в том, чтобы разбежаться, прыгнуть с берега, ухватиться либо за вдетую палку, либо за верёвку, и перепрыгнуть протоку. Если скорость была невелика, то прыгающий не долетал до противоположного берега и ухался в глубокий ил с порядочной высоты. Это было неприятно, но травм при этом обычно не было. Гораздо хуже было бы, если прыгающий не мог ухватиться за веревку или срывался с неё. Тогда он должен был лететь в кучу бурелома, и тут без повреждений вряд ли бы обошлось. К счастью, на моей памяти, никто там не срывался. Верёвка была привязана таким образом, что прыгать можно было в обе стороны, хотя назад прыгать было труднее – берег был более высокий. Обычно прыгали в одну сторону, а назад перебирались через протоку. Прыгать в обратном направлении меня научил хороший такой парень. Он в тот год приехал поступать в институт физкультуры и жил у родственников, которые были нашими соседями. Был он гимнаст, и учил нас, ребяташек, делать разные упражнения на перекладине. Мы как-то взяли его с собой на острова и показали ему это место. Он ловко перепрыгнул и туда, и обратно, чем сразу заслужил большое уважение всей нашей компании. Ко мне он относился хорошо, и когда я попросил его объяснить, как это он так ловко перепрыгнул назад, он не только объяснил, но и показал несколько раз, когда через несколько дней, уже вдвоём, мы пришли на то же место. Секрет был в том, чтобы сделать вовремя ещё одно маховое движение телом и как бы вылететь вперед.

В общем, я решил заманить парней в это место, убегая от них, самому же перепрыгнуть протоку на веревке, а они пусть летят с берега в бурелом. Конечно, надо было убедиться, что веревка на месте. Серёга предложил ещё для верности натянуть бечевку понизу, но я отверг идею – следить, где бечевка, и прыгать в одно и то же время я не смогу. Но тут Гена неожиданно предложил, как я сразу оценил, очень хорошее решение. Он сказал: «Давай я спрячусь поблизости. Кто успеет остановиться, все равно подойдет к краю, и тут я столкну их вниз». Это было так просто, что должно было сработать. Главное, чтобы их было немного на краю. Договорились, что если успеют остановиться больше двух человек, Гена ничего не делает и бесшумно исчезает. Серёга все это время ждёт нас недалеко от берега в шлюпке.

Под парусом мы переплыли на остров. Мы с Генной высадились, а Серёга отвалил от берега и стал удерживать шлюпку против течения на одном месте, метрах в пятнадцати. Через кусты мы вскоре добрались до того места, где должна была быть верёвка. Она была на месте. Я подтянул её

веткой, а потом дотянулся рукой. Сильно подёргал и осмотрел. Вроде целая, и на вид довольно новая, видать недавно повесили. Осмотрели её в том месте, где она крепилась к ветви ивы – вроде не перетёрта. Я отошел от берега, собрался для прыжка, примерился, разбежался и прыгнул «ласточкой» вперёд. В полёте зацепился за верёвку и перепрыгнул на ту сторону. Затем дождался, пока верёвка перестанет качаться, и перепрыгнул назад. Все прошло гладко. Гена подивился моему мастерству, и я коротко рассказал, что назад меня научил прыгать хороший парень, гимнаст.

Потом мы нашли место для Гениной засады, и примерно представили, как все может выглядеть, после чего осторожно начали двигаться в сторону стоянки парней - она была неподалеку. Вскоре за кустами блеснули воды Иртыша. Сначала мы шли пригнувшись, но потом услышали голоса, и тогда легли и поползли к берегу по траве и наносам мелкого речного песочка. Доползя до кромки кустов, мы смогли разглядеть четырёх противников, варивших что-то в котелке на костре. Наличие котелка означало, что кто-то из них всё-таки наведывался к шлюпкам. Потом, поползав из стороны в сторону, смогли разглядеть головы наших ребят, закопанных в песке до подбородка, и получше разглядеть парней у костра. На сей раз их предводитель был с ними. Видать, набегался. В моей душе снова появилось какое-то тяжелое чувство – ну что за дикари! Похоже, Гена почувствовал нечто похожее – на его лице, хотя он знал уже о том, что они закапывают наших ребят, отразилось негодование. Одно дело знать, а другое воочию увидеть. Мы ещё понаблюдали, может поблизости есть другие парни, но никого больше не увидели. Те четверо сидели возле костра, разговаривали – до нас доносились обрывки мата – и смотрели на реку. Похоже, им было скучно. Ладно, скоро мы вас развеселим.

Мы отползли назад, встали, и крадучись, стараясь не наступать на сухие ветки, пошли к веревке – я решил проводить Гену, чтобы убедиться наверняка - заблудиться в зарослях было легко. Гена устроился в засаде, а я вернулся к стоянке, снова понаблюдав, не произошло ли каких изменений. Вдруг, откуда не возьмись, с дровами появился пятый. Это несколько осложняло дело, но отменять акцию возмездия я не собирался. Пятеро, так пятеро. Учитывая предыдущий опыт, кто-нибудь должен остаться с пленниками. Я дождался, когда пришедший подбросит дров в костер и усядется. После этого настала моя очередь выходить на сцену. Если в первый раз одно возмущение подвигло на действия, то теперь мне понадобилось некоторое усилие, чтобы собраться с духом. Осечки быть не должно. Комбинацию мы задумали сложную, и от меня во многом зависит её успех. «Ну, пошёл!» - скомандовал я себе. Встал, раздвинул кусты, и понёсся к костру. Меня заметили, начали было вскакивать, но я был уже возле парней. Ударил одного ногой в плечо, толкнул другого, встающего, в грудь так, что он полетел на котелок, подвешенный над костром, но тут один из парней кинулся мне в ноги и сумел схватить за голень. Ну, как освободить ногу при таком захвате, в самбо учат. Но произошла задержка, и двое вскочивших оказались совсем близко. Я рванул от костра, один из них успел схватить меня за локоть, рука другого скользнула по спине, но я вырвал руку, и припустил по берегу. Будь на мне рубашка, они бы точно меня свалили. Но пока пронесло. «Что-то я увлёкся, потерял чувство реальности – ведь их пять человек, чего было выступать», - укорял себя на бегу, и решил действовать осторожней. Сворачивая от берега в кусты, увидел, что в погоню за мной бросилось четверо парней. «Ага, один все-таки остался!» - удовлетворенно отметил я.

Парни бежали за мной по узкой дорожке, один за другим, и я не видел, кто бежал первым. Хотел бы я, чтобы это был их предводитель. Перед местом с верёвкой был небольшой поворот, где я чуть притормозил – надо было рассчитать прыжок. Услышал за спиной, что они приблизились, и видать это их дополнительно воодушевило. Надеюсь вот-вот поймать меня, они прибавили скорости. Прыгать с ходу оказалось значительно труднее. Когда за спиной четверо преследователей, все воспринимается совсем по иному. Я чуть не промахнулся, но все-таки смог ухватиться за саму верёвку, хотя и не за палку, с которой прыгать было удобней. Подработал телом, и благополучно приземлился на противоположный берег. Пробежав несколько шагов вперёд по

инерции, быстро развернулся и возвратился назад. Двое из преследовавших меня свалились с обрыва и корчились внизу в ветках и корягах. Я сразу определил, что один из них - их предводитель. Получай, собака! Двое других сумели остановиться, и сейчас в изумлении смотрели вниз, на своих приятелей. В это время позади них показалась голова Гены, и через пару секунд один из зрителей летел вниз, мотая руками.

Второго Гена сумел захватить за горло сбоку, и свалил на землю. Тут до меня дошло, что Гена хочет взять пленника! Парень вывернулся и встал на колени, а потом на ноги, и они сцепились с Генной. Ах, чёрт! И верёвка все мотается! Так бы я перепрыгнул, и вдвоём с Генной мы бы его в момент скрутили. В общем, некогда было дожидаться, когда верёвка полностью остановится. Я отбежал назад, развернулся, примерился, чтобы встретиться с верёвкой, когда она идёт ко мне, и начал разгоняться для прыжка. На сей раз палка ударила по запястьям, я мгновенно схватился за неё, сделал прогиб телом, как учил гимнаст, и выкатился на берег. Тут сразу присоединился к Гене, вдвоем мы заломили его противнику руки, и потащили через заросли к берегу. Он было начал упираться, подкашивать ноги, но Гена дал ему такого пинка, и мы оба так рывкнули, что он моментально стал как шёлковый и послушно бежал куда его направляли. Мы выскочили на берег выше того места, где была шлюпка. Серега тут же направился к нам. Пока он подходил к берегу, мы связали парню руки, а потом просто свалили его на дно шлюпки через борт, и следом залезли сами. Серёга отвалил от берега. Я заменил его на румпеле, а он, как специалист по кливеру, перешел вперед, и мы поплыли к южной оконечности островов, чтобы обогнуть её и выйти в основное русло Иртыша. Для верности Гена связал пленному ещё и ноги. Парень, видать, совсем ошалел от поимки. Надо было его подготовить к встрече с приятелями.

- Слушай, ты, вы зачем наших ребят в песок закопали? – был первый вопрос, который я задал ему.

- Серый сказал, - с какой-то тупой бесчувственностью ответил он.

- Кто такой Серый, главарь ваш?

- Ну да, - угрюмо и так же бесчувственно ответил он. Какое-то животное.

- Теперь слушай внимательно. Мы подплывем сейчас к твоим, и обменяем тебя на наших ребят. А ты проси своего Серого, чтобы он тебя выкупил. Жалостливо проси, чтобы его проняло. Может, он сам ноги переломал, так пожалеет тебя.

- Ну, понял. А чё говорить-то?

- Да что хочешь. Если не согласится, мы тебя на ночь на острове с кляпом во рту привяжем, комаров будешь кормить. Кто тебя ночью искать пойдёт? Понял, да?

Пленник молчал. Гена для верности и доходчивости поднёс к его носу кулак. Тот отвернул голову.

На пляже теперь было совсем мало народа. Зелёные пляжные грибки сиротливо стояли в шеренгу через весь пляж. Тёмные неприветливые волны, покрытые рябью, не вызывали никакого желания окунуться в них. Солнце покраснело, на горизонте появились облака. Судя по положению светила, время шло часам к семи. Задувал свежий ветерок, но я как-то холода не чувствовал, видать привыкнув за день ходить неодетым. Я так и не поел. Гена с Серёгой быстро подкрепились из своих съестных запасов, когда мы прятали шлюпку парней, предлагали и мне, но я есть не хотел – все мысли были о том, как разрешить ситуацию. «Собак на охоту не кормят!» - отшутился я тогда.

Мы обогнули песчаную косу, и пошли по течению вдоль островов на север, к стоянке парней. Вскоре вдалеке мы разглядели несколько человек, а потом увидели и темные точки на песке – головы закопанных. Меня охватило физическое чувство тошноты от этого зрелища – по моим представлениям, это было настолько против людских понятий, что дальше некуда. Нельзя так обращаться с людьми! Мы сделали разворот, приблизились к берегу, и замедлили движение,

держась на одном месте против течения. На сей раз парни были все в сборе, включая нашего пленника. Трое подошли к воде, четверо остались сидеть. Костер слабо дымил головешками.

- Слушай, ты, Серый, или как там тебя. Отпускай всех наших, а мы отдаем вашего в обмен.

- Много хотите, - ответил тот, не вставая.

- Да ты подойди поближе, плохо слышно! – крикнул я.

- Да не может он ходить, упал! – ответил за него один из стоящих на берегу, и засмеялся.

- Заткнись, урод! – проинструктировал его предводитель.

Я шевельнул ногой нашего пленного. «Ну, давай, теперь твоя очередь!» Тот не замедлил себя ждать.

- Серый, ты чё, совсем?! Соглашайся, а то они меня на ночь на острове привяжут!

- Да и чёрт с тобой, - был ему ответ. Дальше между ними пошла ругань, пришлось Гене унимать нашего пленного, который может первый раз в жизни всерьез обеспокоился о своём будущем.

- Ну ладно. Так и быть, - сказал я. Можем ещё кое-что добавить. Хочешь румпель от своей шлюпки?

- Врёшь! – вырвалось у него.

- Гена, покажи им их румпель. Гена перевернул пленника лицом вниз, к днищу шлюпки, вытащил из-под него румпель и приподнял над бортом, крикнув при этом: «Ну как, узнаешь?»

- А кстати, и шлюпка ваша в надежном месте спрятана, и весла ваши все у нас, и ещё кое-что. Если даже шлюпку найдёте, руками до базы придётся грести. Парни озадаченно молчали. Потом все дружно набросились на предводителя, заставляя его сейчас же произвести обмен. Тому некуда было деваться, но он молчал.

- Да ну этого Серого на ...! - закричал наконец один из сидевших. Я из-за этого козла, похоже, руку сломал! Дались тебе эти пацаны, ну чё ты с ними связался. Одной левой придавим!

Придавили, как же! Откапывай. Хватит, поиграли! – он с трудом встал, подобрал на песке короткую, типа саперной, лопатку и оправился откапывать Лёху одной рукой. Скоро и остальные, стоявшие на ногах, уже разгребали руками песок возле наших ребят, а трое так и остались сидеть возле слабо дымящихся головешек.

Наконец наших товарищей вытащили из песка, развязали, но они так и сидели, не вставая.

- Ребята, давай сюда, - крикнул Гена.

- Я идти не могу, хрипло ответил Пётр, всё онемело, рук вообще не чувствую.

- Идите им руки и ноги быстрее растирайте! - закричал я чуть не в бешенстве. Парни послушно бросились растирать ноги и руки Петру. Володя, Данаец и Лёха сами начали растирать себе ноги, а потом руки. Мало-помалу они встали на ноги, но движения были неуверенными.

- Теперь оставайтесь на месте, - крикнул я парням, - а мы сейчас спустимся ниже и все ваше барахло выбросим на берег, а потом скажем, где шлюпка.

Нашим ребятам сказал, чтобы брали Петра и шли вниз по течению. Сами спустились метров на сто пятьдесят. Дождались медленно приближающихся ребят, ведущих под руки Петра. Затем вдвоём с Геной, подмышки и за ноги, вытащили пленника на песок, и выгрузили на берег все принадлежности с их шлюпки. Когда все разместились в шлюпке, Гена развязал пленника, и тот проворно побежал к своим. Гена собрал веревки, которыми был связан пленник, и бросил их Сереге, после чего оттолкнул шлюпку от берега и сам запрыгнул. Мы снова подплыли к стоянке парней, и я объяснил им, где найти их судно.

- А не обманываешь? – спросил один из парней. Я промолчал, а остальные из их компании посоветовали ему заткнуться.

Неожиданно предводитель закричал: «А трубку мира будем выкуривать?» К моему непомерному удивлению, Володя согласился, а Лёха его поддержал. Я своим ушам не мог поверить. Что это, весьма своеобразный способ сохранить своё лицо? Неужели они приняли то, что их закопали в песок, как нечто нормальное? По моим меркам, это издевательство над людьми.

- Володя, Леха, вам мало на сегодня приключений? Вы в своём уме? Ещё не поняли, что с полными сволочами дело имеете? – Но Володя упёрся, снова почувствовав себя старшиной шлюпки. Я был в полном изумлении, и чувствовал во всем этом оскорбление всех наших усилий – и моих, и Гениных, и Серёгиных. Я презирал наших врагов. Презирал за их сволочизм, за животные жестокость и тупость. Для меня они были мразью, с которой находиться то рядом было противно. - Хорошо. Идите, - сказал я. - Но я тоже ухожу.

При полном молчании спустил немного шлюпку по течению, причалил к берегу и, ни на кого не глядя, взял свой узелок с одеждой и выпрыгнул из шлюпки на песчаный берег. Не прошёл я и нескольких шагов, как сзади услышал Генин голос: «Я с тобой!» Обернувшись, я увидел, что Гена выбирается из шлюпки. Вскоре мы рядом шагали к прибрежным зарослям. В наступающих сумерках пересекли остров по знакомым мне тропинкам. Оголённым телом я чутко ощущал, как на полянах воздух уже заметно посвежел. Потом вдоль берега поднялись вверх по течению, до брода, и перешли протоку.

Одевались мы под пляжным грибком. Развернув свою одежду, Гена достал бумажный кулёк и вынул из него помятое варёное яйцо в хлебных крошках, и несколько расплющенный бутерброд с колбасой. «Держи, твоя доля от обеда», - сказал он, улыбаясь, и протянул мне яйцо и бутерброд. «О, спасибо, Ген!», - поблагодарил я, очистил яйцо, поделил его и бутерброд пополам и протянул Гене его часть. Он молча взял, и мы не спеша каждый съел свою долю. Потом оделись, стряхнули с ног налипший песок, натянули носки и обулись. Носки тут же намочили в мокрых кедах. Ну и ладно. Минут через двадцать мы добрались до автобусной остановки. По дороге особо ни о чем не говорили, но нам вдвоём было хорошо. Просто хорошо.

Эпизод

От Серёги я потом узнал некоторые детали. Когда первый раз мы втроем следили за протокой, произошло следующее. Парни или специально пустили вперёд одного человека, вроде как «на живца», или они разбрелись к тому времени, но только Володя с Данайцем и Лёхой выследили парня, который шел один, и решили взять его в плен. Но тот успел закричать, и ему на помощь тут же подоспели приятели, находившиеся неподалёку, и захватили наших ребят.

А когда я освободил от верёвок Лёху, а сам увлёк за собой погоню, Лёха развязал Володю, и затем они начали откапывать Петра. Но тут подоспели парни с предводителем, и снова их повязали. А где был Данаец, когда я выскочил на закопанного Петра, Серёга не знает. По словам Лёхи, его привели много позже, почти «под занавес», и тоже закопали. А у меня остался невыясненным вопрос: если Володя, Лёха и Данаец сначала выслеживали парня, значит, они отошли достаточно далеко от промоины. Да там и отходить далеко не надо - не зная, что она там есть, её сроду не найдёшь. Почему же тогда парни устроили засаду, в которую я чуть не попал, именно у промоины? Всё сходится к тому, что они знали, где она, и что кто-то из нас туда обязательно придёт. И ещё одно белое пятно в этой истории – где так долго был Данаец, до того как его привели на берег и закопали? Печёнкой чувствую, неспроста все это, что-то за этим кроется. Но что именно, уже никогда точно не узнать. Есть у меня догадка, да как проверишь? Ключ был у Валентины Александровны, которая назвала его «Данайцем». Один её ответ, «да» или «нет», на единственный мой вопрос, поставил бы для меня все точки над 'и'.

Отношения с ребятами из нашей школы особо не поменялись, но тот случай мы никогда не вспоминали, как будто его и не было. А с Генной у нас сложились хорошие отношения.